

О ЦЕРКОВНОЙ ДИСЦИПЛИНѢ.

В. Кипарисова

Экстраординарнаго-профессора Московской Духовной Академіи.

Сергіевъ Посадъ
Моск. губ.

2 я ТИПОГРАФІА А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
1897.

Отдѣльные трактаты настоящаго изслѣдованія, до появленія ихъ въ одной книгѣ, печатаемы были въ журналѣ Богословскій Вѣстникъ 1896—1897 годовъ— въ совершенно тождественномъ видѣ, и въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ—1884—1886 гг.— въ видѣ иномъ, болѣе соотвѣтствовавшемъ плану сочиненія, который авторомъ первоначально былъ принять.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Ученіе вѣры и дисциплина въ ихъ взаимоотношеніяхъ	1—93.
II. Существо дисциплины и ея свойства	94—133.
III. Вопросъ объ измѣняемости дисциплины . . .	134—222.
IV. Мѣры и средства церковной дисциплины . . .	223—250.
V. Отлученіе, его причины и истинный характеръ .	251—299.
VI. Каноническія послѣдствія отлученія какъ церковно- дисциплинарнаго средства	300—346.

Печатать дозволяется. Іюля 31 дня 1897 года.

Ректоръ Академіи *Архимандритъ Лаврентій.*

I. Ученіе вѣры и дисциплина въ ихъ взаимоотношеніяхъ.

Въ богословской наукѣ раздѣльно разсматриваются двѣ области: область вѣры и область дисциплины. „Ученіе вѣры“—съ одной стороны, а съ другой—предметы дисциплины, „установленія дисциплинарныя“: термины эти нерѣдко почти противопологаются одни другимъ, и во всякомъ случаѣ не отождествляются. И въ самомъ дѣлѣ — *вѣра* есть актъ внутренній, во внѣ показуемый только чрезъ исповѣданіе, подобно тому какъ состояніе мысли и чувства показуемо лишь чрезъ слово и дѣйствіе; „*ученіе вѣры*“, или ученіе о томъ, что воспринимается вѣрою, точно также составляетъ предметъ внутренней жизни и состоянія человѣка (твердость убѣжденія въ истинности ученія вѣры, или наоборотъ колебаніе въ вѣрѣ, ревность къ ученію вѣры, или равнодушіе къ этому ученію, правота или заблужденіе въ содержимой вѣрѣ и т. д.). Дисциплина же имѣетъ своимъ предметомъ область *дѣйствованій* христіанина, обуславливаются ли они требованіями христіанскаго нравственнаго закона, или вытекаютъ только изъ требованій церковнаго благоустройства. По этому не только старинное школьное богословіе запада (а вслѣдъ за нимъ и наше русское, въ эпоху его зависимости отъ западныхъ системъ), но и западная офиціальная терминологія обозначали эти двѣ области—одну, какъ область того, *quae credenda sunt*, другую какъ область того, *quae agenda sunt*. Но такъ какъ носительница *содержанія вѣры*, иначе ученія вѣры, есть мысль человѣческая; то вслѣдствіе этого *область вѣры* справедливо будетъ называть и *областью мысли*: ибо ученіе вѣры, будучи усвояемо сердцемъ, даруется христіанину въ тоже время и какъ „ученіе для уразумѣнія“, иначе—какъ ученіе для по-

знанія ¹⁾. Въ самомъ священномъ Писаніи можно различать то, чему Писаніе научаетъ христіанина „касательно вѣры“, и чему „касательно благочинія церковнаго и правилъ жизни“ (Филаретъ) ²⁾. Эта раздѣльность ученія вѣры и дисциплины равно сохраняется и при поступательномъ, конечно въ известномъ относительномъ смыслѣ, развитіи того и другаго начала въ исторической жизни церкви, развитіи, при которомъ ступени обоихъ порядковъ идутъ, такъ сказать, не совпадая одна съ другою, но лишь параллельно сопровождая одна другую ³⁾.—Возникаетъ ближайшій вопросъ: это раз-

¹⁾ „Познаніе истиннаго Бога и правая вѣра въ Него“ есть первое условіе благоугожденія Богу (Прав. Катех.). Соотношеніе между познаніемъ, слѣдовательно, мыслительной дѣятельностью какъ первымъ моментомъ, и вѣрою, какъ моментомъ дальнѣйшимъ, условливаемымъ познаніемъ, и у древнихъ богослововъ представляется въ томъ же самомъ видѣ, какъ это можно понимать изъ указанной формулы Прав. Катихизиса. Вѣра — отъ слуха, по Апостолу. „Слыша божественныя Писанія, *въручемъ* ученію Св. Духа“, говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ. „Не знающій истины не можетъ истинно вѣровать, ибо знаніе по природѣ предшествуетъ вѣрѣ“. Блажен. Феодоритъ, говоря о словахъ апостола Рим. X, 14 — 15, замѣчаетъ: „невозможно, чтобы увѣровать тотъ, кто не воспріялъ ученія“. Вѣра имѣетъ нужду въ познаніи, какъ и познаніе въ вѣрѣ, и ни первая безъ втораго, ни обратно, не можетъ существовать (онъ же). Отсюда: *ὑπόστασις τῶν δογμάτων* и вѣра во Христа поставляется въ соотношеніе „съ познаніемъ евангелія“ (Клим. Алек.) и „знаніе есть твердое и основательное показаніе того, что усвоено чрезъ вѣру“ (онъ же).

²⁾ Слово о преданіяхъ, Слова, изд. 1848, II, 55.

³⁾ Митр. Макарій, Слова, 1891, 453 — 6, разсуждаетъ: „въ цѣлости и неизмѣнности соблюдаетъ православная церковь божественное ученіе(вѣры), но когда возникали искаженія въ вѣрѣ, пастыри церкви опредѣляли и излагали спорные догматы съ большею точностью и раздѣльностью, нежели какъ они были предлагаемы до того времени. Равнымъ образомъ, во всей цѣлости и неизмѣнности сохраняетъ православная церковь и богоучрежденныя священнодѣйствія. Но, по власти, отъ Бога данной, она никогда не сомнѣвалась болѣе и болѣе раскрывать и устроить это богослуженіе... Неизмѣнно сохраняетъ православная Церковь и данное ей отъ Бога устройство и управленіе. Но кому неизвѣстно, что предстоятели церкви составляли, на основаніи коренныхъ правилъ, новыя каноны для руководства вѣрующихъ, что и доселѣ власть православной Церкви продолжаетъ давать новыя постановленія, примѣняя древніе законы къ новымъ потребностямъ?“ Слѣдовательно Макарій различаетъ въ жизни церкви три начала: вѣра, богослуженіе и управленіе. Но очевидно, что два вторыхъ начала могутъ быть объединены въ одно — по общему признаку, имъ свойственному, именно: имъ принадлежать, какъ ихъ необходимое состав-

дѣленіе вѣры и дисциплины есть ли только произведеніе богословія, и при томъ богословія созданнаго подъ вліяніемъ какихъ либо вѣроисповѣдныхъ особенностей, или же это фактъ самыхъ основоположеній христіанской церковно-исторической жизни, независимый отъ результатовъ развитія богословскихъ умозрѣній и изслѣдованій?—Для рѣшенія этого вопроса, имѣющаго, какъ увидимъ въ послѣдствіи, далеко не одинъ чисто умозрительный интересъ, мы должны прежде всего обратиться къ историкодогматическимъ памятникамъ древности. Это будетъ—путь, прохожденіе котораго важно въ цѣляхъ настоящаго изслѣдованія.

Намъ нѣтъ надобности касаться вопроса о томъ, что есть вѣра какъ актъ внутренній. Относительно же *ученія вѣры* въ памятникахъ древности мы прежде всего встрѣчаемся съ фактомъ запрещенія „произносить или писать или слагать *иную вѣру*, кромѣ опредѣленной отъ святыхъ отецъ въ Никее-градѣ, со Святымъ Духомъ собравшихся“. (Вселен. Собор. IV, 7). Здѣсь подъ именемъ вѣры разумѣется конечно *символъ вѣры*, иначе сказать—всеобщепоблительная формула, „опредѣленіе того какъ должно вѣровать“ (*ὁρὸς τῆς πίστεως; μάθημα, πῶς δεῖ πιστεῦειν*). Смыслъ же этого запрещенія однако лишь тотъ, что въ церкви отвергнута возможность вѣроизложенія *иного*, т. е. противоположнаго, содержанія, — вѣроизложенія которое отрицаетъ то, что здѣсь утверждается и наоборотъ,—но никакъ не отвергнута потребность и возможность вѣроизложенія *въ дополненіе* къ данному или принятому церковію. „Чтобы не только утвердить вѣрующихъ въ православіи, но и предохранить отъ всякаго совращенія, Святая Церковь давала и даетъ имъ по временамъ, кромѣ постоянныхъ краткихъ образцовъ вѣры, составленныхъ соборами, и обстоятельнѣйшія изложенія вѣры, направляя эти послѣднія противъ ересей и расколовъ, и потому раскрывая нѣкоторыя истины съ новыхъ сторонъ, съ какихъ онѣ не были раскрываемы прежде“ ⁴⁾! Но и въ вопросахъ вѣры должно различать сторону богооткровенную, въ собственномъ смыслѣ и единственно догматическую, и сторону церковно-богословскую, составляющую предметъ и

ное начало, извѣстныя внѣшнія дѣйствія; вѣра же можетъ быть и сокровенной.

⁴⁾ Макарій, *ibid.*

результатъ изысканій богослововъ въ области предметовъ Божественнаго откровенія. Въ этомъ отношеніи митрополитъ Платонъ разсуждалъ такимъ образомъ: „всякій христіанинъ долженъ вѣровать всему тому, что намъ въ Словѣ Божіемъ открыто, и особливимъ нѣкоторымъ образомъ—всему тому, что намъ въ Евангеліи сообщено, потому что всего Священнаго Писанія намѣреніе и конецъ есть истинная вѣра въ Бога и Спасителя Нашего І. Христа, — а такая вѣра открывается въ Евангеліи“. Руководствомъ въ познаніи и усвоеніи вѣрующими истинъ богооткровенныхъ служитъ Символъ вѣры. Это однако, по мысли Платона, не значитъ того, что все, что *не содержится* въ Символѣ, то не составляетъ ученія заслуживающаго вниманія христіанина и могущаго называться христіанскимъ: символъ есть только формула *необходимаго* для христіанина ученія, необходимаго, конечно, для спасенія. Но существуютъ еще предметы, ученіе о которыхъ для спасенія, какъ и вѣдѣніе этого ученія, не необходимо: совокупность этихъ предметовъ и образуетъ собою предметъ собственно богословія, которое есть прозведеніе поощряемой, но не всегда авторизуемой церковью, — какъ это, наоборотъ, должно сказать о формулѣ ученія, заключеннаго въ символъ, — дѣятельности богословствующихъ умовъ. Кромѣ того, въ вопросахъ собственно вѣры, по мысли того же нашего богослова, не должно быть упускаемо изъ виду различіе предметовъ по такому началу. Именно: „ученіе христіанскаго не могутъ всѣ догматы за равные почестся, но иные изъ догматовъ ученія (суть) и самые высшіе, и самые нужные, какъ разсужденіе о Св. Троицѣ, воплощеніе, оправданіе, призваніе языкъ и надежда о будущихъ, а иные суть и нисшіе и менѣе нужные, какъ на примѣръ, гдѣ будетъ адъ“? Высокіе и самопачинужные догматы составляютъ, по мысли Платона, необходимо всякому нужный образецъ (формулу) ученія, которое и заключено въ символъ, а *совокупность* необходимыхъ ко спасенію догматовъ и догматовъ не необходимыхъ образуетъ то самое „богословіе, коему пространно и подробно учать въ школахъ“⁵⁾, но которое не составляетъ необходимую сторону

⁵⁾ Платона, Катех., соч. ч. VII. 40—41. Онъ же еще замѣчаетъ: „не всѣмъ людямъ надобно (т. е. надобно для спасенія), чтобы были богосло-

существованія самой церкви, ибо церковь не есть учрежденіе для знанія, а для вѣры и спасенія, и въ ней законно можетъ существовать какъ и достигать надлежащихъ цѣлей и тотъ, кто мало знаетъ, не ясно исповѣдуетъ, но право вѣруетъ и право живетъ. Мысль о необходимости различенія догматовъ съ этой точки зрѣнія поддерживалось и другими нашими богословами прошлаго столѣтія, равно и нынѣшняго. Въ извѣстной книгѣ „о должностяхъ пресвитеровъ“ читаемъ: „вѣра состоитъ во многихъ членахъ, изъ которыхъ одни суть главнѣйшіе, и такъ нужны ко спасенію, что *безъ знанія оныхъ спастися невозможно*. А другіе не столь нужно знать, особливо людямъ простымъ, яко относящіеся къ подробнѣйшему изъясненію первыхъ“. Примѣры тѣхъ и другихъ почти тождественны съ примѣрами, указанными у Платона⁶⁾. Къ нашему вопросу не относится также разысканіе предѣловъ, въ которыхъ допустимо это стремленіе „къ подробнѣйшему изъясненію предметовъ вѣры“. Но во всякомъ случаѣ предѣлы эти справедливо намѣчены такъ: „само Божественное Откровеніе объ иныхъ предметахъ нашей вѣры сообщаетъ намъ большее познаніе, о другихъ меньшее — сообразно съ потребностію сего познанія для *спасенія* человѣческаго. Такъ же и Церковь и св. Отцы въ изложеніи вѣры не о всѣхъ догматахъ говорятъ одинаково пространно, но пространнѣе о тѣхъ, которые того требуютъ. Таково же должно быть и отношеніе богослова къ догматамъ вѣры“⁷⁾. Стремленіе же все одинаково выразумѣть есть излишество, существомъ вѣры для спасенія не требуемое. Отсюда и въ самомъ богословствованіи можно создать „лишніе вопросы“, по выраженію древняго богослова (св. Григорія). Это различіе *вѣры отъ*

вами“. Митрополитъ Филаретъ, какъ будто бы имѣя въ виду между прочимъ эту мысль Платона, говорилъ: „Церковь немногихъ удостоила имени богослововъ, однакожъ никому въ христіанствѣ не позволено быть вовсе не ученымъ и оставаться невѣждою“, разумѣется въ отношеніи предметовъ вѣры. Слов. I, 263. Слѣд. въ извѣстномъ смыслѣ надобно, чтобы всѣ христіане были и богословами: лучшее доказательство необходимости просвѣщенія, безъ котораго, что бы ни говорили, не возможно богословствованіе.

⁶⁾ Книги § 17.

⁷⁾ Филаретъ, Собран. отзывовъ и мнѣній, V. I. 353.